

Философия и богословие

Стефан Домусчи, священник

САМООПРАВДАНИЕ КАК ФЕНОМЕН НРАВСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В РАССКАЗЕ И.А. БУНИНА «ПЕТЛИСТЫЕ УШИ»

Аннотация. Проводится этико-философский анализ самооправдания как явления духовной жизни человека. В качестве материала для исследования избран рассказ И.А. Бунина «Петлистые уши». Через изучение сложной и противоречивой истории названия рассказа, а также посредством подробного анализа монолога главного героя удастся показать возможные пути его самооправдания. При описании нравственной позиции героя оказывается важным обращение к его полемике с идейным содержанием романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Ключевые слова: И.А. Бунин; «Петлистые уши»; этика; нравственность; самооправдание; оправдание; гуманизм.

Abstract. The article is devoted to the ethical and philosophical analysis of self-justification as a phenomenon in the spiritual life of a human. The material for the study includes a story by I.A. Bunin, *Loop Ears*. The ways of self-justification of the main character are shown through the study of complex and contradictory history of the story title, as well as a detailed analysis of main character's monologue. His disagreement with the message of *Crime and Punishment*, a novel by F.M. Dostoevsky, is of importance for expressing his moral position.

Keywords: I.A. Bunin; "Loop Ears"; ethics; morality; self-justification; humanism.

Истинное значение слова «кризис»

Известно, что греческое слово κρίσις может быть переведено как «суд, судебное разбирательство» [1, с. 997]. Об этом важно помнить хотя бы потому, что кризис является не просто переломным моментом или тяжелым положением, кризис – это время суда над происходящим, время переоценки ценностей. Живя в эпоху финансовой и политической нестабильности, важно

понимать, что главная причина происходящего – кризис в нравственной сфере, в понимании добра и зла. Причем дело совсем не в том, что ценности или мировоззренческие системы внезапно перестают устраивать общество, скорее они являют свою бесплодность. Кризис заставляет задуматься о возможных ошибках в их осмыслении и реализации.

Литература
и гуманитарные
исследования

Стоит признать, что, обращаясь к этим темам, исследователи часто обнаруживают, что наиболее глубокие прозрения относительно причин и природы общественных настроений можно найти в области литературы, а не социальных или политических исследований. Это так именно потому, что писатель обращается к вопросам метафизическим, открывает глубины человеческой души во всей их сложности.

Гуманизм
христианский
и светский

Несмотря на то что вопрос о человеке задается с библейских времен*, в XX веке он был снова поставлен со всей остротой. Причиной этого стал крах гуманизма, ставившего человека в центр Вселенной. Однако, говоря о гуманизме, важно помнить, что тезис, с которого он начинался, был глубоко христианским по сути. Не желая мириться с идеями некоторых богословов, крайне унижавших человеческое достоинство**, и напоминая человеку о его величии, первые гуманисты не говорили чего-то принципиально нового для христианства***. Еще в IV веке Григорий Назианзин называл человека «великим в малом» [2, с. 665], подчеркивая, что он больше и важнее всего творения, потому что является носителем образа Творца.

Однако в борьбе за человеческое достоинство гуманизм отказался от одного из основных христианских догматов – от веры в немощность человеческой воли, пораженной грехом. Постепенно человек стал восприниматься как носитель нравственного закона в самом себе, как «мера всех вещей». Подобное восприятие человека не было чем-то принципиально новым и явилось реинтерпретацией некоторых античных традиций.

Свобода человека

И хотя очевидно, что человек должен быть нравственно свободен, сама эта свобода вряд ли должна означать полную самодостаточность в сфере нравственности, так часто в реальности граничащую не с нравственной высотой, но с произволом.

Судьба светского
гуманизма

Как известно, некалендарный XX век начался в 1914 году с развязыванием Первой мировой войны. Это был не просто век новых технологий, это был век нового отношения к человеку и человечности. За полстолетия до этого Ричард Гатлинг, человек, изобретший пулемет,

выражал надежду, что его машина «смогла бы исключить необходимость больших армий и, следовательно, значительно снизить количество жертв и заболеваний» [3, с. 27]. Высказывание Р. Гатлинга очень показательное, так как в нем отчетливо читается гуманистическая вера в прогресс, в нравственную силу человека, оно полно антропологического оптимизма. Однако эта наивная вера была подорвана, если не вовсе уничтожена именно в XX веке. Можно сказать иначе: «человек эпохи модерна» погиб в окопах мировых войн, в Освенциме и ГУЛАГе. По крайней мере, так в то время казалось.

* * *

Рассказ И.А. Бунина
«Петлистые уши»

Осмыслению нравственной катастрофы XX века посвящены многие литературные произведения. Среди авторов, остро чувствовавших трагизм эпохи, был и И.А. Бунин. В годы Первой мировой войны он написал ряд рассказов, в которых поставил очень важные вопросы, касающиеся природы человеческой нравственности. Несомненно, особое место в этом ряду занимает рассказ «Петлистые уши»*, этико-философскому анализу которого и посвящена данная статья. Прочитав рассказ, русская писательница и литературный критик Е.А. Колтановская писала его автору, что «все очевидцы “мировых” событий уже пришли к одной точке – к тому ощущению жизни и человека, которым проникнут ваш страшный рассказ. Вольно или невольно, вы зачерпнули от самой гущи переживаемых теперь ужасов, и это придало его непреходящему содержанию особую остроту» [4, с. 478]. В этих словах важно отметить, что рассказ действительно проникнут особым ощущением человека, новым для того времени, еще не до конца понятым. Кроме того, автор этих слов, сама того не ведая, хорошо описала развитие мысли самого писателя. Чем больше И.А. Бунин работал над текстом, тем явственнее он видел, что тема его – не простое преступление, она выходит на общечеловеческий уровень. Судя по сохранившимся черновикам, он работал над рассказом очень напряженно. Криминальная история, вычитанная им в газете, постепенно стала рассказом о нравственной судьбе человечества.

* Подробнее см.: Бердникова О.А. Мотивы искушения в творчестве И.А. Бунина в аспекте христианской антропологии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2009. № 1. С. 12–19; Попова Ю.С. Герой и город в рассказе И.А. Бунина «Петлистые уши» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. Воронеж, 2010. № 2. С. 91–95.

Цель написания
рассказа «Петлистые
уши»

Одной из важнейших особенностей предварительной работы над рассказом является желание автора написать его понятным, сказать последнее слово, ответить на вопрос о причине и природе преступления. Из рукописей известно, что И.А. Бунин довольно долго не мог определиться с названием рассказа. Очевидно, дело не в самом названии, оно лишь выражало отношение автора к рассказу в целом. В первоначальных вариантах писатель пытался подробно описать концовку рассказа, стремясь объяснить поведение героя. Однако от раза к разу в рассказе все меньше однозначных решений и оценок, следствием чего оказалось изменение названия.

История названия
рассказа

От первоначального варианта «Он еще с нами» И.А. Бунин решает отказаться, вероятно осознавая, что затронутая в рассказе проблематика шире, чем просто судьба преступника. Если образ героя, рассуждающего о преступлении и совершающего его, есть образ человечества, вступающего в мировую войну, то исходные предпосылки его рассуждений, его нравственная позиция оказываются значимыми в мировом масштабе.

Промежуточное название «Без наказания» также не удовлетворило автора. По всей видимости потому, что из него нравственная судьба главного героя становилась совершенно очевидной. При этом дело, как кажется, было не только в практической невозможности «объяснить причины преступления с исчерпывающей полнотой» [5, с. 112], но и в практической невозможности объяснить его нравственные последствия. Если грех и страсть, к нему приведшую, сложно объяснить рационально, то тем более сложно объяснить рационально действие совести. Название «Без наказания» означало бы, что герой не испытывает нравственных мучений, к чему он, собственно, и призывает в своем монологе. Однако одно дело декларировать отказ от совестных мук и другое – в действительности перестать их испытывать. Герой рассказа, оставшись без формального внешнего наказания, продолжает жить, а значит, продолжает оставаться открытым для голоса совести. Назвав рассказ «Без наказания», автор выразил бы свое согласие с героем, признав в нем способность «отбросить совесть».

По всей видимости, И.А. Бунина больше интересуют не последствия преступления для духовного мира героя, но само состояние, в котором и преступление, и последствия оказываются возможны. При таком взгляде окончательное название рассказа «Петлистые уши» становится наиболее подходящим.

Фабула рассказа

Фабула рассказа очень проста. Главный герой Адам Соколович беседует в ресторане с двумя знакомыми матросами. Затем он идет в гостиницу, прихватив с собой девушку с улицы. Убив ее в гостинице, он скрывается.

Нравственная философия героя. Выродки как нравственный тип

Несомненно, рассказ полон важных деталей, подчеркивающих сложность персонажа, однако наиболее полно нравственная проблематика раскрывается в диалоге Адама Соколовича с двумя знакомыми матросами. Собственно говоря, поступок главного героя становится лишь практическим выражением его теории.

Рассуждая о человеческих идеалах, герой утверждает, что он, хотя и панский сын, в первую очередь все же «сын человеческий». Этим он явно подчеркивает свою причастность к человеческому роду, указывает на свою нравственную единоприродность со всеми людьми. В то же время к концу вечера он как бы в шутку говорит о себе как о «выродке» – особом человеке с особыми моральными правами и физическими возможностями. Выродка, по его словам, можно узнать по внешнему признаку: петлистым ушам, похожим на петлю виселицы. Идея эта, впрочем, не вполне устраивает самого героя, и он добавляет, что «эти уши присущи не одним только так называемым выродкам» и что «страсть к убийству и вообще ко всякой жестокости сидит... в каждом» [6, с. 97].

Грех первого человека как архетип и стремление всякого к оправданию

Позиция героя двойственна, но эта двойственность вполне сознательная. Называя себя выродком, расположенным к убийству, и в то же время говоря, что к убийству и жестокости расположен каждый, Адам Соколович объединяет две нравственные санкции: он одновременно и обычный человек, и особенный. Вследствие этой двойственности, он не только позволяет себе преступить черту, но, что еще важнее, самому эту черту обозначить.

Многие критики отмечали, что герой рассказа носит имя первого человека. Однако Адам не только первый человек, он тот, через кого грех вошел в мир. В чем же состоял грех Адама? О каких нравственных изменениях в его душе свидетельствует библейский рассказ о грехопадении?

Говоря о нравственном аспекте грехопадения, итальянский исследователь Доминик Бартелими определяет «древо познания добра и зла» как «возможность самому определять добро и зло, то есть быть мериллом своего морального сознания» [7, с. 45]. Еще раньше Борис

Вышеславцев писал, что богодарованная свобода «возносит нас на высоту абсолютного богоподобия в этой простой и ежедневной возможности: сказать “да” или “нет”; “да будет” или “да не будет” – в этой изумительной свободе выбора между творчеством и разрушением» [8, с. 11]. Рассуждая об отражении этой способности в духовном мире преступника, Ю.Н. Давыдов пишет: «Всякое преступление, сколь бы гнусным и бессовестным оно ни было, все-таки нуждается в известном самооправдании, в том, чтобы в чьих-то глазах – пусть это будут на худой конец глаза самого же преступника – оно выглядело не как подлость и пакость, а как “жесточкая необходимость”, “отчаянная храбрость” или осуществление “высшего права”. ...Любой бандит и убийца – это человек, отнюдь не пребывающий “вне” или “по ту сторону” морали вообще. Он также ищет или создает свою “мораль”, а обретая ее, цепко за нее держится...» [9, с. 20].

Самооправдание
как создание
собственной морали

Именно так рассуждал и Родион Раскольников, упоминаемый в том же диалоге: «Что значит слово “злодеяние”? Совесть моя спокойна. Конечно, сделано уголовное преступление; конечно, нарушена буква закона и пролита кровь, ну и возьмите за букву закона мою голову... и довольно!» [10, с. 417]. В этих рассуждениях ясно прочитывается кантовский категорический императив, пусть и искаженный злой идеей. Именно это принятие в качестве буквы закона собственной головы происходит и с Адамом Соколовичем, когда он говорит об особых людях, вышедших/выпавших из рода человеческого, о вырожденках, имеющих петлистые уши. Однако герой И.А. Бунина идет дальше Раскольникова: он не только находит оправдание своему чудовищному поступку, но и распространяет его действие на всех людей. Нравственный ход, который герой Достоевского предложил как фантастический вариант, Адам Соколович использует как нечто естественное. Более того, позволяя себе «особую мораль», он уже не гипотетически, а вполне искренне и на обширном историческом материале пытается доказать, что в этом нет ничего необычного.

Сравнение взглядов
И.А. Бунина
и Ф.М. Достоевского

Из второй части разговора, представляющей собой довольно едкий и полный сарказма монолог Соколовича, становится ясно, что нравственный мир героя – лишь повод к разговору о состоянии общества. Читателю может показаться, что Бунин спорит с Достоевским, показывая в лице своего героя людей, начисто лишен-

Нравственная
оценка убийства
в истории
человечества

ных способности раскаиваться, сжегших свою совесть. Однако это не так хотя бы потому, что такие люди описаны и Ф.М. Достоевским. В «Записках из Мертвого дома» он пишет: «Это был самый отвратительный пример, до чего может опуститься и исподлиться человек и до какой степени может убить в себе всякое нравственное чувство, без труда и без раскаяния» [11, с. 62].

Автор «Записок» с ужасом и отвращением рассуждает о «бессовестных» людях, в то время как герой Бунина на исторических примерах показывает, что все люди «бессовестны», главное – подобрать нужную точку зрения.

Утверждая, что «пора бросить эту сказку о муках совести», Адам Соколович говорит: «Состояние убийцы зависит от его точки зрения на убийство и от того, ждет он за убийство виселицы или же награды...» [6, с. 98]. С беспощадной ко всему человечеству решимостью он подробно развивает эту мысль.

Дело даже не в палаче, который казнит людей по приказу государства, а в том, что все «мифы, эпосы, былины, истории, драмы, романы» – всё это полно рассказов про убийства, в которых никто не кается и раскаиваться не собирается. Эта страшная избирательность совести – глубочайшая проблема, которой касается Бунин. Его герой указывает собеседникам на такое количество убийств и убийц, которые их окружают, перед которыми и Каин, и Раскольников с их муками совести предстают наивными младенцами. Робкая попытка собеседников сказать, что многое из этого – ветхозаветная жестокость, обрывается напоминанием не только об инквизиции и открытии Америки, но и о ближайших по времени подводных лодках, «пускающих ко дну сразу по несколько тысяч человек», и о немцах, которые «отравляют колодцы чумными бактериями» [6, с. 98]. Говоря обо всех них, Соколович подчеркивает, что никто из них не мучился...

В чем истинная
особенность
Раскольникова

Герой рассказа считает, что Раскольников действительно оказывается «особым» человеком, но не потому, что преступил черту, а потому, что не смог с легкостью оправдаться перед самим собой. Посмеиваясь над ним, Адам Соколович говорит, что он «мучился-то... только по собственному малокровию и по воле своего злобного автора, совавшего Христа во все свои бульварные романы» [4, с. 99]. Мыслей этих не был чужд и сам Раскольников, который, оказавшись на каторге, говорил, что «те люди вынесли свои шаги, и потому они правы, а я не вынес и, стало быть, я не имел права разрешить себе этот шаг» [10, с. 417].

Сила героев
Ф.М. Достоевского

По мысли Адама Соколовича, те, кого герой Достоевского считал исключительными людьми, «право имеющими», на самом деле обычные люди. Сила, с помощью которой они «вынесли свои шаги» и не спасовали перед лицом совести в том, что они согласились со злом как с чем-то необходимым, объяснили его для себя, приняли его как норму, хотя бы и вынужденную. С этой точки зрения способность мира быть жестоким не в тех, кто выдумывает теории о своей исключительности, а в тех, кто воспринимает все происходящее обычным делом, кто полагает, что «цель оправдывает средства» и что с этим ничего не поделаешь.

Общечеловеческий способ выйти за границы морали, оправдав преступление по совести

Герой Бунина, как и герой Достоевского, позволил себе совершить убийство потому, что нашел в себе признаки «выродка», того, кто вышел из рода человеческого, из норм человеческой морали. Однако, в отличие от Раскольникова, сосредоточенного на своем внутреннем мире, Соколович видит вокруг такое количество убийств, что простой опыт подсказывает ему: все люди такие же, как он, все они в той или иной степени выходят за границы морали. Дело, оказывается, совсем не в форме ушей, а в способности человека оправдать свой поступок, объяснив его для самого себя с особой точки зрения. Условно говоря, у каждого есть свои «петлистые уши», которыми он может оправдаться и успокоить свою совесть.

* * *

Отражение общечеловеческой нравственной трагедии в рассказе

Подойдя к финалу рассказа, автор опускает подробности... Оставив героя без формального наказания, Бунин оставляет его жить наедине со своей совестью. В этом отсутствии завершенности видна бездна, открывшаяся перед писателем в общечеловеческом масштабе. Не случайно Адам Соколович, рассуждая о безнравственности людей, говорит о войне. В каком-то смысле ее можно назвать экспериментом, и время результатов еще впереди. Перед Буниным было общество, которое, развязав самую страшную на то время войну, продолжало убивать... Наказания еще не было, не было и раскаяния...

В рассказе два плана. Один – частный поступок Адама Соколовича и его оправдание тем, что у него особая форма ушей, а следовательно, он зверь и немотивированные убийства ему позволительны. Второй – общечеловеческий, он задается словами героя о том, что на самом деле звери все, а стало быть, всем можно всё.

В разгар войны И.А. Бунин ставит читателя перед вопросом, который был важен и для него самого. Вопрос, на который очень непросто дать ответ: всегда ли за пре-

ступлением следует раскаяние или человек действительно может освободиться от чувства вины? Сработают ли «петлистые уши» в случае с Адамом Соколовичем? Сработают ли они в человеческом масштабе?

1. *Liddell H., Glare P., Thompson A., Scott R.* Greek-English lexicon: Revised supplement. – No. 2. – Clarendon Press, 1996.
2. *Григорий Богослов, свт.* Слово 45 // Творения в 2 т. Т. 1. – Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1994.
3. *Ellis John.* The Social History of the Machine Gun. – JHU Press, 1986.
4. Государственный музей И.С. Тургенева в Орле. Сводный обзор // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. – М., 1973. – С. 465–484.
5. *Крутикова Л.В.* В мире художественных исканий Бунина (как создавались рассказы 1911–1916 гг.) // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. – М., 1973. – С. 90–120.
6. *Бунин И.А.* Петлистые уши // Собр. соч.: в 13 т. Т. 4. – М., 2006.
7. *Бартелеми Д.* Бог и Его образ: очерк библейского богословия. – Милан, 1992.
8. *Вышеславцев Б.* Миф о грехопадении // Путь. – 1932. – № 34. – С. 3–18.
9. *Давыдов Ю.Н.* Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. – М., 1982.
10. *Достоевский Ф.М.* Преступление и наказание // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 6. – Л., 1973.
11. *Достоевский Ф.М.* Записки из Мертвого дома // Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 4. – Л., 1972.

References

1. *Liddell H., Glare P., Thompson A., Scott R.* *Greek-English lexicon: Revised supplement.* – No. 2. – Clarendon Press, 1996.
2. *Grigoriy Bogoslov, svt.* Slovo 45. *Tvoreniya.* In 2 vol. Vol. 1. *Svyato-Troitskaya Sergieva lavra,* 1994 (in Russian).
3. *Ellis John.* *The Social History of the Machine Gun.* JHU Press, 1986.
4. *Gosudarstvennyj muzej I.S. Turgeneva v Orle.* *Svodnyj obzor. Literaturnoe nasledstvo.* Vol. 84. Book 2. Moscow, 1973, pp. 465–484 (in Russian).
5. *Krutikova L.V.* *V mire khudozhestvennykh iskanij Bunina (kak sozdavalis' rasskazy 1911–1916 gg.).*

Literaturnoe nasledstvo. Vol. 84. Book 2. Moscow, 1973, pp. 90–120 (in Russian).

6. Bunin I.A. Petlistye ushi. *Sobranie sochinenij*. In 13 vol. Vol. 4. Moscow, 2006 (in Russian).

7. Bartelemi D. *Bog i Ego obraz: ocherk biblejskogo bogosloviya*. Milan, 1992 (in Russian).

8. Vysheslavitsev B. Mif o grekhopadenii. *Put'*, 1932, no. 34, pp. 3–18 (in Russian).

9. Davydov Yu.N. *Etika lyubvi i metafizika svoevoliya: Problemy nraustvennoj filosofii*. Moscow, 1982 (in Russian).

10. Dostoevskij F.M. Prestuplenie i nakazanie. *Polnoe sobranie sochinenij*. In 30 vol. Vol. 6. Leningrad, 1973 (in Russian).

11. Dostoevskij F.M. Zapiski iz Mertvogo doma. *Polnoe sobranie sochinenij*. In 30 vol. Vol. 4. Leningrad, 1972 (in Russian).
